

ХАМИД АЛИМДЖАН

ЗЕЙНАБ И АМАН

 ПОЭМА

ПЕРЕВОД
УЗБЕКСКОГО
СВЕТЛАНЫ СОМОВОЙ
РЕДАКЦИЯ А. ТИХОНОВА
ПРЕДИСЛОВИЕ К. ЗВАЙНСКОГО

19 советский писатель 43

Подписано к печати 28/IV 1943 г. Печатных лист. 2¹/₈.
Уч.-авторских 1⁸/₁₀ л. Заказ № 319. Тираж 5000. P13144.

Ташкент. Типография № 2. 1943 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сегодня, когда немецкие фашисты так опоганили все, что связано с самим понятием человека, читатель с особым чувством душевного отдохновения раскроет странички поэмы Хамида Алимджана „Зейнаб и Аман“, поэмы о чистой и прекрасной человеческой любви.

„Нет повести печальнее на свете, чем повесть о Ромео и Джульете“, — говорит Шекспир о своих героях. Но повесть о современном узбекском Ромео — Амани и узбекской Джульете — Зейнаб получилась радужной и счастливой. Неизбежные драматические препятствия, которые в таких случаях стоят на пути влюбленных, препятствия, которые были бы в Узбекистане еще непреодолимыми четверть века тому назад, ныне падают, разрушенные напором новой жизни, словно старый дувал, который падает под действием солнца и дождя.

Жила-была на свете в одном кишлаке сирота Зейнаб. Ее пригрела и воспитала старая Анар. Жил также мальчик, родителей которого никто не знал. И звали его Аман, что значит „будь здоров“, „здравствуй“. Ни Зейнаб, ни тем более Аман, вероятно, раньше не выжили бы на свете. Плохо человеку без верблюда в пустыне. Еще хуже малому дитя без отца и матери. Но повезло Амани. Нашлась у него родня — советский колхоз, который поддержал мальчика и воспитал его.

Выросли мальчик и девочка и стали они красивы. И наступил тот срок, когда девочка превращается в девушку, которую уже сравнивают с тополем, а губы ее — с тюльпаном, а мальчика начинают сравнивать с соколом. Зейнаб полюбила Амана. Повела о том подруге. Написала даже письмо своему другу — какая смелость для деревенской узбекской девушки, которая и лица-то раньше не имела права открыты!

Но у старой Анар свои планы. Зейнаб еще покойными родителями ее предназначена была Сабиру, богатому ныне юноше. Сабир окончил школу в городе. Он интеллигент. Разве может девушка мечтать о лучшем женихе? Как же не гневаться Анар?

Но Зейнаб сама распоряжается собой, сама строит свою жизнь. Вот она идет к Сабиру в его дом. И Сабир... Сабир понял Зейнаб. Понял потому, что он ведь не байский сынок. Это советский человек, который чтит закон не насилия, а свободы, верности сердцу, а не ветхому адату. Что же остается делать заботливой Анар, как ей быть с ее старыми предрассудками?

Вот сюжет поэмы Х. Алимджана. Но разве сюжет может исчерпать произведение поэзии. Оно говорит вам тысячью образов, намеков, интонаций и будит множество чувств. Пожалуй, самое сильное и постоянно обновляемое поэмой чувство — это чувство взволнованной любви к родине, к той стране, где родились, живут, любят, трудятся и создают счастливый мир, свою судьбу наши герои. Иногда это чувство выливается в своеобразные лирические при-

знания автора, то оно выливается в картинах природы или в иных отступлениях. Ответ всей нашей советской жизни, чувство творческого волнения ее, безграничных возможностей для каждого — все это проникает в строки поэмы. Оттого в ней так много света, так уверены в себе герои и так счастлив финал.

„Зейнаб и Аман“ — романтическая поэма. Этот поэтический жанр имеет в литературах тюркского языка и, в частности, в узбекской литературе давнюю традицию. Повестью Алишера Навои о „Лейли и Меджнун“, несчастных влюбленных, зачитывались многие поколения и заучивали ее наизусть. Традиционный сюжет о двух влюбленных, соединиться которым препятствует или социальное неравенство или феодальные брачные законы, сыграл значительную роль в развитии литератур тюркского языка и в советские годы. Историко-романтические поэмы на эти мотивы мы встретим почти во всех советских восточных литературах. Такова, например, поэма казахского писателя Сабита Муканова — „Сулушаш“. Азербайджанский писатель Джафар Джабарлы в своей популярной поэме „Девичья башня“ внес в традиционный сюжет особую остроту тем, что заставил шаха влюбиться в собственную дочь, которая, спасаясь от домогательств отца, бросается с башни в море.

Традиция, — и в частности фольклорная традиция, — изображает обычно в подобных поэмах женщину в качестве существа пассивного, подчиненного. Хамид Алимджан внес новое в трактовку традиционных сюжетов, в которых выступает женщина. Алимджан не впервые касается этой

темы. В своих прежних поэмах „Айгуль и Бахтияр“ и „Рассказ о двух девушках“ Алимджин рисует женщину в новом свете, как существо равноправное мужчине. И недаром его Айгуль, дочь раба Дархона в стране Сусамбиль, устанавливает такой общественный строй, при котором все равны.

Восточная женщина раньше носила чачван, сетку из конского волоса, закрывавшую ей красоту мира. Но и мужчина на Востоке носил раньше невидимую паранджу: паранджу невежества и феодальных предрассудков. И то и другое — сорвала революция. Но сделать невидимое видимым и воображенное воплощенным — в этом задача искусства. И эту задачу талантливо решает Хамид Алимджан в своей новой поэме.

Поэт С. Сомова — автор перевода, поэмы на русский язык — обратилась к стиху лермонтовского типа, чтобы выразить романтическое существо этой поэмы. Это естественное решение. Нам близка эта поэзия высоких чувств.

Сегодня, когда фашизм хочет навязать миру закон насилия, мы особенно ценим нашу советскую поэзию человечности.

Корнелий Зелинский

ВСТУПЛЕНИЕ

Хочу написать я правдивый дастан
О том, как любили Зейнаб и Аман.
О бурном огне, запылавшем в крови,
О первой, единственной в жизни любви,
О тихом сиянии доверчивых глаз,
О дружбе и верности — этот рассказ.
Пусть грозною поступью годы пройдут,
Пусть на плечи тяжко невзгоды падут —
Ни горькое горе, ни злая беда
Не вырвуг из сердца любовь никогда.
И счастье допишет бессмертный дастан
О том, как любили Зейнаб и Аман.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

I

Полны веселья и отрады
Зейнаб бесхитростные дни.
Идет она среди прохлады
По саду тихому в тени.
И ветви сонные склоняет
Навстречу ей цветущий сад,
И детской радостью блистает
Ее замороженный взгляд.

Цветет привольно над землею
Зейнаб лукавая краса,
А сердце чисто, как весною
Раскрывшиеся небеса.
И птицы, в небе пролетая,
• Ей подражают в быстроте,

И маки, к солнцу вырастая,
Ей подражают, в красоте.

Идет Зейнаб, ногой касаясь
Зеленых трав, жемчужных рос,
И перед первой из красавиц
Вся степь, как бархатный пяндоз¹,
Раскинулась. И караваны
Лиловых гор — навстречу ей,
И осыпаются тюльпаны
На тоненькие плечи ей.

И Зеравшан, с горы срываясь,
Забыв на миг свой бурный гром,
Блестит пред первой из красавиц
Волны певучим серебром.
Поводит девушка очами,
И словно в них отражена
Навеки чуждая печали,
Навеки юная весна.

II

Ты знаешь ли, какое солнце
В стране, где выросла Зейнаб?
Его прекрасней не найдется,
Весь мир объезди ты хотя б.
На этот край взглянуть захочешь —
И в плен навеки попадешь,

---

¹ Пяндоз — свадебный ковер.

Водою губы чуть намочишь—
И жадным ртом к ручью прильнешь.

На эту землю ступишь только
И где б по свету не блуждать—
Ее пылинки на подметках
Тебя обратно будут звать.
Покажется, что все желанья
Твои исполнились с тех пор,
Как ты увидел гор сверканье,
Степей тюльпановый простор.

Здесь, полон песен и поверий,
Шумит арык в тиши ночной
И плачут сказочные пери
Над несмолкающей волной.
Здесь в малахитовых долинах
Стекло сапфировых озер,
Здесь кущи маленьких и синих
Фиалок у подножья гор.
И водопады, пролетая
Со скал на темные скалы,
Свисают здесь, волной блистая
Среди прозрачной полумглы.
И каждый луч, упавший ночью
На землю сонную с луны,
Здесь равен солнцу. И воочью
В нем все цвета отражены —
И новорожденные почки

Урюка розовых цветов,
И возникающие строчки
Еще не созданных стихов,
И счастье девушек, что всюду
Сопровождает их в садах,
Подобно розовому чуду
Горит румянцем на щеках.
Здесь девушкам любви уроки
Дает бессонный соловей.
Здесь я придумал эти строки,
Здесь родина Зейнаб моей.

III

Где сердце, что любви не знало,
К ней не стремилось вновь и вновь?
Вставала над землей любовь
И небо звездами сверкало.
И конь под звездами скакал,
Неся наездника к любимой. **
Любовь... Среди пустынных скал
Певец блуждает нелюдимый.
И сколько перед ним во мгле
Теней тоскующих проходит —
Меджнун на пасмурной земле
Свою подругу не находит.
И где-то от него вдали,
Ночные косы расплетая,
Рыдает нежная Лейли,
Подушке скорбь свою вверя.

И в тишине среди громад
Дробит скалу кирка Фархада.
Отчизну потерял Фархад
И сердце подвигу не радо.
Хранит волшебную красу
Ширин, плененная Фархадом,
Но век подносит ей касу,¹
Наполненную горьким ядом.
Печальна летопись любви,
Печальны милые виденья,
Но все-таки живут в крови
Ее прекрасные волненья.
И все-таки—она весна!
Как сердце смуглое тюльпана,
В венце веков живет она
Неповторима и желанна.
Она—стесненный первый вздох,
Лиловая фиалки завязь
И шорох легких башмачков,
И лунного восхода зависть,
Когда девическая грудь,
Чистейшей белизной блистая,
Откроется. Спеши вдохнуть,
Моя отрада молодая!
Спеши, мой радостный герой,
Ты в этот миг из света создан.

---

¹ К а с а — большая пиала.

Ты станешь бронзовой горой,
Подругу поднимая к звездам.

IV

Еще печали и волненья
Чужды душе Зейнаб моей,
Но словно дивное растенье
Любовь раскрыла листья в ней.
Все волосы Зейнаб в косички
Несметные заплетены,
Бегут, как струйки-невелички
Тяжелой ласковой волны.
И над губой ее атласной,
Как капля бархата черна,
Сокровищ всех земли прекрасней,
Темнеет родинка одна.
А грудь бела, как снег на склонах
Незыблемых Тяньшаньских гор,
Но взглядов юношей влюбленных
Не видит огне-черный взор,
Лишь брови вскинуты, как крылья,
Как ласточка издалика...
Она смеется без усилья,
Она печалится слегка,
И звезды хороводы водят
По небосводу перед ней,
И зори алые приводят
Сверкание зеленых дней.
Ей кажется: любовь — привольный

Весенний луг, без перемен.
Срывай цветы охапкой полной
И росы стряхивай с колен,
Иди, держась за край халата,
Иди за милым, словно тень,
Иди с восхода до заката,
За ночью—ночь, за днями — день!
Любовь! Зейнаб ее не знала,
Ждала ее... Так под лучом
Степная горлинка играла
Несмелым, молодым крылом.

V

Но вот урюк розовоцветный
В саду у девушки расцвел
И взгляд очей ее приветный
Себе избранника нашел.

Бутонов в цветнике так много,
Прохладой дышат перед ней.
Джигитов в кишлаке так много,
Отвагой пышут перед ней.
Так почему—сама не знает
И удивляется Зейнаб —
Аман мечты ее пленяет,
Аман лишь нравится Зейнаб?
Другие юноши не хуже—
Сильна рука и глаз остер.

Блистают дедовским оружием,
Коней выводят на простор.

Один раскинет руки-крылья
И в небе соколом вспорхнет,
Другой—кинжалом без устья
У тигра ребра рассечет,
А третий—на коне поскачет,
Подковой по степи блеснет
И бег коня его горячий
Обгонит молнии полет.
Ну, а четвертый—над горами
Кетмень размашистый взметнет,
И зашумит поток волнами,
В седую степь вода придет!
Как меч отточенный, могучи
Рустема храбрые сыны,
Подвластны им земля и тучи,
В труде они закалены.
Так почему—сама не знает
И удивляется Зейнаб—
Аман мечты ее пленяет,
Аман лишь нравится Зейнаб?

VI

О нем грустить она не хочет,
А между тем, за днями день,
Глядит ей в сумрачные очи

Его смеющаяся тень.
Куда бы не пошла и чтобы
Ни стала делать—он за ней.
Заплакать что ли ей со злости
Иль засмеяться веселей?
И, словно лист румяной розы
Под налетевшим ветерком,
Зейнаб отряхивает слезы
И шепчет про себя тайком:
„За что люблю тебя—не знаю,
Но только знаю, что люблю...
Я быстрых дней не замечаю
И ночи длинные не сплю.
Все передумав, я не в силах
Лишь два сомненья разрешить:
За что тебя я полюбила
И как тебя мне разлюбить.
Все дни над ними я гадаю,
Все ночи из-за них не сплю...
За что люблю тебя — не знаю,
Но только знаю, что люблю!“

VII

И снова ночь. Затихли птицы.
Идет, легко ступая, ночь,
В озера черные глядится
Волшебница седая ночь.
Гнездится ночь в полях на травах,
На волны рек слетает ночь,

Вершины тополей кудрявых
Задумчиво качает ночь.

Проходит ночь по склонам горным

И спит в саду среди ветвей,

И смотрит взором омраченным

Из черных глаз Зейнаб моей.

Пред нею — белая страница,

Над нею — непроглядный мрак,

И дум толпится вереница,

И чувств не высказать никак:

„Аман! Я более не в силах

Скрывать стонь любви моей.

Нет больше дней простых и милых

И нет безоблачных ночей,

Ничто не радует на свете...“

Так три страницы исписав

И об кривые строки эти

Чернильный карандаш сломав,

Зейнаб вздохнула, покраснела,

Письмо, нахмурясь, перечла,

И вдруг порывисто и смело

Все на клочки изорвала.

Не то... Но снова — за бумагу

И вновь рука к карандашу...

„Где взять мне смелость и отвагу,

Когда письмо тебе пишу?

Я все ждала, ждала, любимый,

Что первый ты заговоришь,

Но ты идешь, потупясь, мимо

И о любви своей молчишь.
Мы промолчим так дни и ночи!
И может, жизнь всю напролет...“
Опять не то. И снова в клочья
Зейнаб листы бумаги рвет.
Письмо не вышло. И не надо!
Зейнаб ступает на крыльцо,
И гладит тихая прохлада
Ее горячее лицо.

VIII

И лет она, куда не зная,
Среди деревьев и теней,
И ночь, волшебница седая,
Расчесывает косы ей.
Стоят безмолвно над водою
Кусты серебряной джиды,
Своею замшевой листвою
Скрывают девашки следы.
Прекрасен мир полночный, спящий,
Причудлив затененный сад.
Висит холодный и блестящий,
Спокойно-черный виноград.
И месяц, отраженный в зыбкой
Зеленой хауза воде.
Сверкает быстрою улыбкой
Какой-то мгленькой звезде.
Летит, прохладой обдавля
Долину, легкий ветерок.

Зейнаб идет, куда не зная,
В ночи, в безмолвьи, без дорог.
Остановилась. Постояла.
Присела тихо у пруда.
Как ртуть чистейшая, блистала
Под светом месяца вода.
Из вод серебряных и сонных
Ее любовь навстречу ей
Взглянула парой огне-черных
И укоризненных очей.
И сколько волн у ног скользнуло,
И сколько смято трав в руках,
И звезд блестящих — затонуло
В бессонных девушки очах?..

IX

Она вернулась потихоньку,
Бесшумно в комнату вошла
И вслед за ней в дверную щелку
Ночная свежесть поползла.
Зейнаб ей, как подруге рада,
Как соучастнице своей.
И словно тайная отрада
Нечаянно вернулась к ней.
„Быть может, встать перед Аманом,
В лицо открытое взглянуть
И вместе с утренним саямом
Навстречу руки протянуть?“
Внезапной думою согрета,

Зейнаб к окошку подошла...
Зарницы первые рассвета
Забрезжили. Клубилась мгла
И тень спускалась с гор к долинам.
Ведь, это утро! Ночи нет!
Сияньем розовым и синим
Качался медленный рассвет.

Х

Заря Зейнаб застала в поле.
В сверканьи алой высоты
Качались, выросшие в холе,
Все в росах, теплые кусты.
Качались ровными рядами,
Как море, чуждое ветрам,
С темнозелеными волнами,
С пушистой пеной по краям.
Идет Зейнаб в листве по пояс,
Собирает хлопок в фартук свой,
Опять ее девичий голос
Звучит отвагой молодой.
Подруги вокруг нее щебечут,
Смеются юноши вокруг
И волны хлопковые плещут,
Касаясь загорелых рук.
О, поля хлопкового волны
И купол неба голубой,
И фартук, белой ватой полный,

И капли пота над губой!
Ей кажется, что с шагом каждым
Она отвагу жизни пьет,
Ей кажется, что взмахом каждым
Охалкой счастье берет!
Так до заката золотого
Она трудилась. И когда
Взошла на синем небе снова
Хулькар — вечерняя звезда,
Зейнаб оправила косынку
Слегка уставшею рукой,
Нашла знакомую тропинку,
Пошла с подругами домой.

XI

Видали вы, как звезды всходят,
По небу как они плывут?
Видали вы, как на заходе
С работы девушки идут?
Идут веселыми рядами,
Обнявшись, дружною гурьбой.
И песня льется над полями,
Над призатихнувшей землей.
Идут Зейнаб с Хури задорной,
Певунья Нур идет с Гульнар,
Адаль с Кундуз неугомонной,
Дутарщица Сара с Анар.
И словно вся дорога в звездах,

И на воде от них круги,
И предвечерний чистый воздух
Разносит звонкие шаги.

XII

Но вот знакомый переулок,
Высокий глиняный дувал.
Большой арык, бурлив и гулок,
Через дорогу здесь бежал.
Зейнаб, подругам руки сжавши,
Прощаясь, улыбнулась им,
Прошла по жердочке, и дальше
Пошла одна путем своим.
Навстречу ей из полумрака
Джигитов шумная гурьба.
Как будто всадники с улака¹
Идут, насмешливо грубя,
Смеясь раскатисто и громко,
Как будто в ночь под новый год.
...С полей своих, со сбора хлопка
Домой расходится народ.
И может быть, с другими, мимо,
Одетый в шелковый чапан,
Сейчас прошел ее любимый,
Покой похитивший Аман.

---

¹ Улак — скачки с козлодраньем.

ХІІІ

Где сердце, что любви не знало,
К ней не стремилось вновь и вновь?
Вставала над землей любовь
И небо грозами сверкало.
И, словно путник в глубине
Полуиссохшего колодца,
В придуманном неясном сне
Мы ищем отраженье солнца.
И где гнездо совет Аман,
Где этот сокол склонит крылья?
Быть может, тягостный обман
Зейнаб страданья и усилья?
Его увидев в первый раз,
Зейнаб лишь им на свете дышит.
Она поднять не может глаз,
Чуть звук шагов его услышит.
А если про него идет,
Хоть где-нибудь, дурная слава—
Зейнаб от горечи умрет,
Провалится сквозь землю, право.
Ее безумной назовут
И отвернутся все подруги,
И камни градом упадут
В ее приветливые руки!
Вот почему Зейнаб молчала,
Таила жар в своей крови
И сердце кровью истекало,
Изнемогало от любви.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ

I

А в ичкари¹ все по-иному.
В тиши тенистого двора
Здесь по обычаю седому
Над сердцем властвует сура.²
Здесь, стих прокаркав похоронный
Зейнаб свободе и судьбе,
Былого коршун злобный, черный
Тащил ее в гнездо себе.
Он когти выпускал из ночи,
Чтоб в сердце бедное вонзить,
Чтоб печень выклевать и очи
И участь девушки решить.

II

Рассказ об этом очень странен,
Напомнит он ушедший век,

---

¹ Ичкари—женская половина дома.

² Сура—молитва из корана.

Когда был жалок и бесправен
Веселый, гордый человек,
Когда красавицы не смели
Открыть миндалевидных глаз...
Так прошлое, забившись в щели,
Нежданно бросится на нас...
Зейнаб не ведала, не знала,
Что где-то за ее спиной
Прошедшее ей сети ткало
И путь готовило иной,
Что кто-то без ее желанья
Ее грядущее решит,
Что столько нового страданья
Обычай старый причинит.

III

Когда Зейнаб лежала в зыбке,
В бешике¹ маленьком своем,
Когда ребяческой улыбке
Еще не радовался дом,—
Три свахи, тихие, как тени,
Однажды в комнату вошли,
Сладкоречивы и степенны,
Они подарки принесли.
Они восторженно хвалили
Зейнаб румянец и загар

---

¹ Б е ш и к—колыбель особого устройства.

И горы золота сулили:
„У нас—купец, у вас—товар“.
„У вас — бутон, — они сказали, —
У нас—прекрасный соловей!“
Они друг другу назначали
Еще невыросших детей.
А после старшая старуха
Сабира к зыбке подвела,
Сказала: „Укуси ей ухо,
Чтоб, выросши, твоей была“.
И мальчик, получив игрушку,
Перевернув какой-то скарб,
Зубами потянулся к ушку
Пускавшей пузыри Зейнаб.
... Попивши чай, поевши сласти,
Молитву важно прочитав,
В знак обоюдного согласия
Лепешку пополам сломав,
Ушли друзья в свои кибитки,
Ушли соседи в курганчи..
Зейнаб, забытая в бешике,
Протяжно плакала в ночи.

IV

Прошли года. Семья большая
Попала в непогодь нужды,
Жила, в труде изнемогая,
Плелась от горя до беды
И осыпалась постепенно,

Как старый переспевший тут...¹
Потрескались кибитки стены,
Ушли довольство и уют.
И вот Зейнаб одна на свете,
Без матери и без отца.
Глядит завистливо, как дети
Сбегают с круглого крыльца.
А у нее нет ни лачуги,
Ни друга, ни подружки нет,
Лишь косы, скрученные туго,
Да семь прожитых в мире лет.

V

Она чумазой побирушкой
Шла по долинам и горам,
Сутулой маленькой старушкой
Слонялась по чужим дворам.
И люди сытые — объедки
Совали с бранью в руки ей,
Ломали девочку, как ветки
Растущих к солнцу тополей.
Так иногда росток зеленый,
Едва пробившийся на свет,
Загубит ураган студеный,
Морозный медленный рассвет.
Зейнаб случайно не погибла:

---

¹ Тут — шелковица.

Одна бездетная семья
Взяла в гнездо, крылом накрыла
Измученного соловья.
Лепешку и, чтоб спать, соломку
Приемной дочке дали в дар,
И стала матерью ребенку
Седая тетушка Анар.

VI

Зейнаб вставала до восхода,
Косички гребнем заколов,
Несла в тяжелых ведрах воду,
Для печки набирала дров.
Заря тюльпаны рассыпала
Над гребнями далеких гор.
Зейнаб водою поливала
И подметала круглый двор.
Так время шло. Когда повсюду
Был виден красный солнца шар —
Скоблила медную посуду
Зейнаб для тетушки Анар.
Полуголодная, босая,
В одежде плохонькой своей,
На крыше старого сарая
Она кормила голубей.
В часы последнего намаза,
Уж близко к полночи, она
К соломе жесткой шла и сразу
Тонула в мягких волнах сна.

VI

Чрез горы перевалит солнце,
Светильник в тьме зажжет душа
И снова к жизни встрепенется
Душа, надеждами полна.
Промчатся горестные годы,
Но не забудутся они.
Все огорченья и невзгоды,
Тревожные былые дни,
Как камень в глубине колодца,
Заключены у нас в груди,
От тени их светлее солнце,
Видней дорога впереди.

VII

Годов кремнистых перевалы
Советский строй преодолел,
Цветы в пустынях расцвели
И соловей над ними пел.
Колхозы выросли в долинах,
Семья Анар вошла в колхоз.
И у Зейнаб уж двое длинных
Прилежно заплетенных кос.
Она работает на поле
И слава про нее гремит.
И учится в вечерней школе,
И ночь за книгою сидит.

IX

А на закате, днем свободным,
В семье у тетушки Анар,
Над Зеравшаном полноводным
Звенит задумчивый дутар.
Рука Зейнаб по старым струнам
Легко, уверенно летит
И в голосе гортанном, юном
Живое счастье звенит.
Она почет и уваженье
Теперь в семье приобрела.
Спокойно каждое движенье,
Улыбка быстрая светла.
Ей жизнь протягивает яства
На расписных подносах дней.
Пред нею — все земли богатства,
Дороги все открыты ей,
Она о спутнике мечтает,
О друге преданном, родном,
Она доверчиво желает
Согреть его своим теплом.

X

А между тем в семье Сабира,
Неподалеку, каждый день
Поспешно чистится квартира,
Ковры вывешивают в тень —
Идут приготовления к свадьбе...

Твердя в ночи корана стих,
Сабира мать в своей усадьбе
Устроить хочет молодых.
Она Анар уговорила
И обе заняты мечтой,
Чтоб празднество богаче было,
Чтобы пышней удался той.

XI

Но нет Сабира в доме гулком
И нет в тенистом кишлаке.
Он учится большим наукам
От нив родимых вдалеке.
По залам университета
Веселым шагом он идет
И солнце нового рассвета
Над головой его встает.
А мать, забыв свою тревогу,
Готовит сыну пышный той,
Глядит на пыльную дорогу
И ждет его скорей домой.

XII

И, наконец, Зейнаб решила
С Анэр своей поговорить
И что Амана полюбила
Приемной матери открыть.
Но только взглянет на морщины,
В раздумье добродушных глаз,

Как стыд внезапный без причины
Ее охватит. И тотчас,
Вся покраснев, в изнеможеньи,
Ответит что-то невпопад
И отойдет она в волненьи,
Не в силах встретить строгий взгляд.

XIII

Одной Хури лишь поверяет
Зейнаб тревоги и мечты.
Ее до дому провожает
Одна Хури средь темноты.
Они в ночи, обнявшись крепко,
По лунной улице идут,
Цветущие срывают ветки
И речи тихие ведут.
Волнениям Зейнаб и планам
Хури внимала до зари
И познакомила с Аманом
Ее веселая Хури.

XIV

И в сумерках, путем вечерним,
Зейнаб и бойкая Хури,
Пылая дружным нетерпеньем,
Вошли тихонько в ичкари.
С Анар обнялись и присели
На край паласа. В котелке
Варился ужин. Еле-еле

Трещали сучья в очаге.
Зейнаб взволнованно молчала,
Анар глядела на Зейнаб
И словно радость освещала
Лицо старухи. Не поняв
Ее внимательности пылкой,
Хури хотела рот открыть,
Но та с приветливой улыбкой
Решила первой говорить.

XV

„Зейнаб моя! Давай с тобою
В согласи переломим хлеб.
Твой жребий вещею рукою
Начертан в письменах судеб.
Ведь доля девушки — любить
И к сроку замуж выходить,
А тот, кто этого лишен,
Навек с печалью обручен...
И звери парами живут,
И птицы о любви поют.
Айшу взял замуж Мухамед,
Когда ей было девять лет.
И весь подлунный мир с тех пор
Вершит пророка договор.

XVI

Был мудр, Зейнаб, родитель твой,
Оставил он завет благой:

Тебя Сабиру поручил,
Детей на брак благословил.,.
Теперь, Зейнаб, ты знать должна,
Кому навеки вручена.
Веленье твоего стца,
Желанье матери твоей
Исполнить нужно до конца.
И той отпраздновать скорей.“

XVII

Так тетушка Анар вещала.
А девушки поражены—
Зейнаб дрожит, как ветка тала,
И губы у Хури бледны...
„Ты выросла, красивой стала,
Умней тебя не отыскать.
Не мало б юношей желало
Тебя невестою назвать,
Но городской Сабир виднее
Всех наших сельских женихов,
Приедет за Зейнаб своею—
На весь кишлак наварит плов!
Готово к свадьбе все, но только...“
Остановилась тут Анар,
Прихлопнула дверную щелку,
Прикрыла крышкой самовар.
...„Чтоб слава не пошла плохая,
Подумать нужно об одном:
Уже нельзя тебе, родная,

С открытым выходить лицом.
Придется, временно хотя б,
Закреть лицо тебе, Зейнаб^а.
Зейнаб поникла, онемела
И слова вымолвить невмочь.
Не глядя на Анар, несмело,
Сидит безмолвная, как ночь.
Хури, как речка, горячится,
Выходит вся из берегов,
Разубедить Анар стремится
И не находит нужных слов.

XIX

Прости, апа, своей рукою
Ты хочешь рабство нам вернуть—
Ударить девушку тешою¹
И под замок ее замкнуть.
Как это можно—даже слова
Зейнаб несчастной не сказать,
Готовить свадьбу, шить обновы,
От свах подарки принимать?
А может быть Зейнаб мечтает
Совсем не о такой судьбе?
А может быть Зейнаб желает
Другого в спутники себе?
Что будет, если поспешила
Зейнаб другому клятву дать

---

¹ Теша — род топора.

И, торопясь домой, решила
Тебе об этом рассказать?"

XX

Зейнаб молчала. И досада
Темнела в горестных глазах...
Анар кипит, как пламя ада,
Она вскочила впопыхах,
Седые косы растрепались,
Глаза горят, как янтари,
И взгляды стрелами вонзались
В лицо румяное Хури:
„Чего ты хочешь? Что за чушь?
Да где найдется лучший муж?
Иль не красив Сабир-ока,
Иль не учтив Сабир-ока?
Весь край родимый обойдешь,—
Его красивей не найдешь!
Иль не богат Сабир-ока,
Иль стар халат Сабир-ока?
Весь край обыщешь, обойдешь,—
Его богаче не найдешь.
Ведь изучает хлопок он,
А край наш белым хлопком полн,
И будет у него добра,
Как в горных речках серебра.
И все красавицы у нас
С его пути не сводят глаз.
А как Сабир умен к тому ж...

Да где найдется лучший муж?
Весь край обыщешь, обойдешь, —
Удачей мужа не найдешь!
И наконец, и наконец, —
Так повелел Зейнаб отец.
Он брака этого желал,
Он, умирая, клятву дал...
Какой подлец, злодей какой
Растопчет пламя клятвы той?*

XXI

Зейнаб попрежнему молчала,
Смотрела в угол ичкари
И вдохновенно защищала
Подругу страстная Хури:
„Я понимаю, вам согласие
Родных не хочется ломать,
Но ведь Зейнаб достойна счастья,
Способна за себя решать.
Зейнаб Амана полюбила,
Дала ему любви обет,
Ужель хотите вы, чтоб было
Ей тягостно глядеть на свет,
Чтоб, замуж выйдя по ошибке,
Зейнаб страдала целый век?
Она ведь не товар на рынке,
Она — свободный человек!
А если девушка вольна
И клятва девушкой дана,

Какой подлец, злодей какой
Растопчет пламя клятвы той?*

XXII

Как море черное, бушует
Душа смятенная Анар,
Дрожит, краснеет, негодует
Огнем спаленная Анар.
Одежды все свои в волненьи
Сна готова разорвать,
В поту, в тревоге и смятеньи
Зейяб на клочья растерзать.
„Негодница! Так вот что в этом
Колхозе ты приобрела!
Вот как работала ты летом—
Любовника себе нашла!
Бесстыдница! В семье моей...
Распутница! Стыдись людей!
Ты—потаскушка, девка, тварь!*"
Кричала тетушка Анар.

XXIII

И встала девушка, как будто
Ее ударил молний взмах,
И подняла к Анар надутой
Лицо, намокшее в слезах.
— „Душа моя апа, не надо!
Я умоляю, перестань.

Не подливай мне в душу яда,
Словами резкими не рань.
Апа! Меня ты пожалей —
Была ты матерью моей.
Смотри, укор в глазах Зейнаб,
Смотри, ковер в слезах Зейнаб...
Ты хочешь ли, чтоб своды дней
Тюрьмою сделались моей,
Чтоб, не взлетевши, мне ползти,
Чтоб, не расцветши, отцвести,
Чтоб жизнь, как пепел, как комок,
Втопталась в пыль у чьих-то ног?
Апа моя, взгляни добрей
И выслушай, и пожалей“.

XXIV

„Беспутная! Что толку в этом?
Что толку мне в слезах твоих?
Ко мне не шла ты за советом,
Когда топтала честь родных.
Но если разума крупинки
В тебе остались, расскажи,
Кто сбил тебя с твоей тропинки,
Разврату научил и лжи.
Какой ублюдок нас ославил?
(Да сгинет он от слов моих!)
Кто он, проклятый этот дьявол,
Что спал в объятиях твоих?“

...А мы-то жили и не знали,
Как из двора взглянуть на свет.
Меня, ведь, замуж выдавали
Без малого в пятнадцать лет.
И с кем судьба мне жить велела,
Стыдась, не спрашивала я.
В углу сидела и краснела,
Тревогу де ичью тая.
За чимылдыком¹ ночью первой
Впервые мужа увидав,
Была ему подругой верной,
Беды и горя не узнав.
Так жили все родные наши,
Все предки, изпокон веков...
И попирают ноги ваши
Обычай древних стариков.
И ты, топча без сожаленья
Отцов своих закон благой,
Какого хочешь снисхожденья,
Любви и жалости какой?"

XXVI

„Апа! Мне очень горько стало.
Не за себя, апа, — за вас.
Апа! Ты мужа увидала
За чимылдыком первый раз?"

---

¹ Чимылдык — занавес, за которым новобрачные проводят первую ночь.

Рабыней, света не видавшей,
Невольницей, тебя, как ком,
Швырнули в угол, рот зажавши
Узорным свадебным платком.
Ты, как медведица в берлоге,
Сосала лапу целый век,
Ты обмывала мужу ноги,
Не поднимая тяжких век.
А он тебе, лоснясь от сала,
Бросал обглоданную кость,
И ты услужливо глодала
Слезами политую кость.
И это счастьем называлось!
Вы детям прочили его!
Прости, апа, я отказалась,
Ушла от счастья твоего.

XXVII

Скажи, ужель тебе не страшно,
Сейчас, закрывшись от людей,
Припомнить этот день вчерашний,
День горькой юности твоей,
Когда, как чимылдык, спустилась
И жизнь твою одела ночь,
Когда ты плакала и билась,
И отойти не смела прочь,
Когда за крупом лошадиным
Плелась ты жалкою рабой,
А муж, хлыстом играя длинным,

В седле качался над тобой?
Слепой была ты и глухою,
Варила пищу,—яд пила,
Что жизнь бывает и другою
Услышать даже не могла.

XXVIII

А мне — и горестно, и страшно:
Прости, апа, из глаз твоих
День слез и пыток, день вчерашний,
Глядит в простор очей моих.
Мне твоего не нужно счастья,
Твоих законов, черный день!
Я отрекаюсь от проклятья
Теней твоих, позорный день!

XXIX

Весна моя! Цветы степные,
Звезды сиянье на волне
И тополя в ночи седые —
Идите все на помощь мне!
Любовь моя! Моя отрада,
Мое страданье в тишине,
И свет доверчивого взгляда —
Зову тебя на помощь мне!
Вы приходили на рассвете
В лицо любимому взглянуть
И, покрасневшись, словно дети,
Не узнавали прежний путь.

XXX

Какой прекрасною казалась
Тогда знакомая земля.
И, забывая про усталость,
Работала на поле я.
Я имя милое твердила
И поле пело в тишине...
Аман! Любовь моя и сила!
Зову тебя на помощь мне.

XXXI

Не буду я женой Сабира,
Пусть и красив и знатен он,
Пусть он умней ученых мира,
Пусть в шелковом халате он.
Я — не купец, не на базаре,
Сабир далекий — не товар...
Забудь, что молвила в угаре,
Оставь Амана мне, Анар!
Меня согрела ты в ненастье,
Взяла к себе в сырую ночь,
Благослови теперь на счастье
В ненастьи выросшую дочь“.

XXXII

Зейнаб спокойно ждет ответа,
Анар попрежнему в огне:
„Не выйдешь за Сабира? Это,

Одно лишь это, молви мне!
„Апа, не выйду никогда.“
„Ну, я или Аман — тогда!“
„Что делать, душу взял Аман“.
„Но кто он? Из каких он стран?“
„Кто он — скажу, откуда — нет,
В каком краю увидел свет,
Какая у него семья
И дом где — не спросила я“.

XXXIII

„Ах вот что? Сгинь с очей моих
И тяжесть скинь с плечей моих!
Кому б женой ты не была,
Забудь, что у меня жила!
Забудь, что был твоим мой дом,
Забудь об имени моем,
Что хлеб мой ела — позабудь,
Держи на улицу свой путь!
...Когда позор и стыд найдешь,
Когда распутной прослывешь,
Тогда ты вспомнишь в злой судьбе,
Что сделала Анар тебе!
Пока не пала ты, прощай,
Змеей не стала ты — прощай!“

XXXIV

„Прощай, апа. Когда ты снова
Придешь в себя — не проклинай,

Не думай обо мне дурного
И слов своих не вспоминай.
За все спасибо. Путь мой будет
Высок иль нет — самой итти.
Быть может, люди не осудят,
Помогут люди на пути.
И ты, апа, однажды взглянешь
Глазами светлыми кругом,
Тогда раскаиваться станешь,
И поминать меня добром.
Тогда вздохнешь ты: не сумела
Своей заботы оправдать...
Прощай! Ты этого хотела.
Позволь удачи пожелать“.

XXXV

И медленно, глотая слезы,
Зейнаб в свой уголок ушла,
Тетрадки, тюбитеек розы,
Одежду — в узел собрала.
Остановилась на пороге,
И прочь пошла из ичкари.
...И вот они уж по дороге
Идут в ночи вдвоем с Хури.
В лицо им свежий ветер дует
И пыль клубится по следам.
Анар кричит и негодует
Вслед удалявшимся шагам,

А девушки по темной дали
Идут вперед, скрываясь в мрак...
На утро все кругом узнали:
Сабир вернулся в свой кишлак.

ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ

I

Когда спускался темный вечер
На берег золотой реки
И в кишлаке ему навстречу
Огонь вздували старики,
И стлался дым густою синью,
И обнимала горы мгла,—
Тропой, поросшею полынью,
Зейнаб к обрыву подошла.

Все тихо. В голубом безмолвии
Родной кишлак спокойно спит.
И долго, полная любовью,
Зейнаб у берега стоит.
И только волны, не смолкая,
Поют и плачут нараспев,
И только в небе молодая
Луна восходит, заалев.

Но вот — Аман. Он издалека
Увидел глинистый откос
И платье солнечного шелка,
И черное сверканье кос,
И очарованный виденьем,
Как бы спугнуть его боясь,
Остановился в отдаленьи,
Едва дыша, не шевелясь.

II

„Но что с тобой, Зейнаб родная?
Глаза твои полны тоской
И слезы в них дрожат, блистая...
О чем ты плачешь? Что с тобой?“
„О мой Аман. Как вышло это?
Всем сердцем я люблю тебя,
А как ты жил, родился где ты,
Где дом твой и твоя семья,
И сам ты кто — я не узнала.
Спросили у меня когда —
Я, растерявшись, замолчала,
Я покраснела от стыда.
Скажи, откуда ты и чей,
Джигит мой, свет моих очей.“

III

Аман молчал... Перед глазами
В колючем солнце и в пыли
Степами, черными песками

Дороги старые прошли.
Босого детства злая повесть:
Чужой кишлак, чужой порог
И подтянувший туго пояс
Мальчишка посреди дорог.
Он не привык делиться горем,
Но больше уж молчать нельзя —
Полны страдающим укором
Зейнаб прекрасные глаза.
Он не видал добрее глаз,
Он тихо начал свой рассказ.

IV

„Тревожный взор твоих очей
Спросил меня — ты кто и чей?
И долго в памяти моей
Искал я ласковых теней.
О ком я должен рассказать?
Чьи имена тебе назвать?
Безмолвна память и темна,
Родные скрыты имена.
Прости. Бессилен я, Зейнаб,
Назвать тебе одно хотя б.
Вопрос твой душу жжет мою,
Вопрос твой душу рвет мою,
В нем столько скорби и беды,
В нем мир печали и нужды.
Коль нужных слов мне не найти,
Коль буду груб — Зейнаб, прости.

Коль слезы горя упадут —
Прости, о девушка, и тут.

V

Наш старый мир, моя Зейнаб,
Издревне лаской напоен,
Ко всем, кто мал еще и слаб,
Любовью материнской полн.
Мать — это сад весенним днем,
А дети — это розы в нем.
Едва малыш откроет рот
И розовый сосок возьмет,
Как слово „мама“ по утрам
Произносить умеет сам.
А мать от горести любой
Ребенка заслонит собой,
Орлицей закроет врага
И львицей разорвет врага.
Собака, сына потеряв,
Кусает впалые бока,
Корова водит между трав
Смешного рыжего телка
И птицы прячут под крыло
Птенцов, чтоб было им тепло.
И даже злобный скорпион
Любовью к детям наделен,
И даже черный жук, и тот
Жучка „мой беленький“ зовет.

VI

Лишь я на пасмурной земле
Без материнской ласки рос,
Грел руки в брошенной золе,
Глотал сырую горечь слез.
Лишь я один во тьме ночей
Ребенком разучился спать.
Мечтал о песне я твоей,
Меня покинувшая мать.
Как часто слушал я в тоске
Прохожих женщин голоса.
Казалось — где-то вдалеке
Следят за мной твои глаза,
Казалось — скоро ты придешь,
Родная, полная любви,
И горе детское возьмешь
На руки теплые свои...
О, как я ненавидел их,
Детей, имеющих родных!
Я озирался, как зверек,
На теплый и чужой порог,
На дом, где чья-то мать сидит,
Где чей-то сын спокойно спит.

VII

Когда мне было девять лет,
Старуха нищая одна
Загородила мне весь свет,

Как пень обугленный черна.
Движеньем высохшей руки
Она меня подозвала
И тихо на берег реки
Вслед за собою повела.
„Сказать по правде, ты, сынок,
Рекою этою рожден.
Никто б у нас назвать не смог
Твоих родителей имен,
Но знают все: ночной порой
На этом берегу крутом
Нашла тебя я, мальчик мой,
И принесла в свой бедный дом.
Рычал огромный Зеравшан,
А ты пронзительно кричал.
Сказала я тебе: „Аман“¹
И ты для всех Аманом стал...
Сынок, окончилась война,
Вздохнула вольная страна,
Как знать... А может близко тут
Твои родители живут,
Быть может, плачет мать вдали,
О сыне брошенном в пыли...
И может быть, сам Зеравшан
Тебе подаст знак тайный свой,
И ты сквозь горестный туман
Увидишь свет любви живой...

---

¹ А м а н — здравствуй.

Вставай, Аман. Иди вперед.
За часом — час, за годом — год,
Страну большую обойди —
Сердца родимые найди“.
Все это рассказавши мне,
Молитву старая прочла
И, обратив глаза к луне,
Вослед мне руки подняла.

VIII

И я пошел. Передо мною,
Как разъяренный ураган,
Сверкая рыжею волною,
В камнях бился Зеравшан.

И я, как он, по кручам бился,
На горы черные взбегал
И падал в пропасть. И стремился
К степям. И степи проползал.
Я от истоков и до устья
По берегам реки блуждал
Средь камышей зеленых хруста,
Среди песчаных серых скал.
О, сколько спрашивал я встречных,
О, сколько троп я обыскал —
Никто ни близко, ни далече
Моих родителей не знал.

IX

Как верблюженок, потерявший
Свой караван среди песков,
Я шел голодный и дрожащий
К огням далеких кишлаков,
И в доме, и в лачуге каждой,
Где б я воды не попросил,
Томимый голодом и жаждой,
Мне каждый житель говорил:
„Не знаем тех, кого ты ищешь,
Кому ты дорог был и мил.
Ты не узнаешь, не отыщешь
Ни их имен, ни их могил.
Они погибли в дни бурливой
Войны, разрухи и беды.
Нельзя найти под свежей нивой
Пожара черные следы“.

X

А сколько трав зазеленело
На берегах родной реки!
А сколько радостного дела
Узнали наши кишлаки!
А сколько золота на пашни
Принес наш старый Зеравшан!
И счастье нашел вчерашний
Скиталец, горестный Аман.
В твой край пришел усталый странник

И, здесь прожив не мало лет,
Стал человеком среди равных,
Участьем дружеским согрет.
Того, что желтым был саманом¹,
Глядел угрюмо на людей,
Не назовет никто Аманом,
Аман — и лучше, и добрей.

XI

Кто я?— Спроси миндалей белых,
Что первыми весной цветут,
Спроси у старцев поседелых,
Что на реке еще живут,
У веток ивы, наклоненных
Над убегающей волной,
Спроси у соловьев бессонных,
Что вместе плакали со мной!
На Зеравшане про Амана
Никто плохого не слышал.
Тебе все люди без обмана
Наскажут про меня похвал
И ты избавишься от грусти,
Забудешь горький свой упрек.
Взять этот камень не берусь я —
Его поднять бы я не смог.
Зачем, зачем ко мне пришла ты
И ядом раны полила?

---

¹ С а м а н — солома.

Зачем забытые утраты
Ты вновь в душе моей зажгла
О, если ты добра, подруга,
И если чуткость есть в тебе,
Не спрашивай ты больше друга
О прежней горестной судьбе.

XII

Цветы над быстрою рекою
Меня садовником зовут,
Про' нелюбимого тобою
Амана иволги поют,
И куст хлопчатника зеленый
На тихом поле по весне
Свой лист, росой рассвета полный,
Смеясь, протягивает мне.
Чей сын я? — Нашего колхоза,
Народа нашего я сын.
В его садах растил я розы,
Потоки приводил с вершины,
Поля сверкающие хлопком
Я засевал рукой своей.
Я здесь в волнении глубоком
Нашел участливых друзей!
И все, чем это сердце бьется
В его изменчивой судьбе, —
Богатство все свое и солнце
Я отдаю, Зейнаб, тебе.

И дом мой, и моя семья —
Улыбка добрая твоя.*

XIII

Темнела ночь. Река шумела.
И, вырвавшись из глубины,
Звезда зеленая летела
На гребне вспененной волны.
И поглядели на Амана
Глаза Зейнаб — глаза любви.
И все сады Узбекистана
Им принесли цветы свои.
На сером глинистом откосе,
Голубоватом под луной,
Зейнаб распущенные косы
Сверкали черною красой...
Амана очи полыхали
В слезах иль в блеске лунных струй.
И только волны услышали
Влюбленных тихий поцелуй.
...И Зеравшан к обрыву мчался,
Он видел: вместо двух людей
На берегу стояло счастье
В открытой красоте своей!

XIV

На утро, с первыми лучами
Румяной, радостной зари,
Опять по тропке зашагали

Зейнаб и верная Хури.
Прошли горой, у поворота
Свернули в угол кишлака
И смело стукнула в ворота
Зейнаб веселая рука.
Здесь дом Сабира, у окошка
Он чай зеленый допивал.
Прямой, задумчивый немножко,
Он девушкам навстречу встал.
Сабира мать от изумленья
Застыла, спрятавшись в углу.
Отец, скрывая нетерпенье,
Молчал, уставясь в пиалу.
Зейнаб на них не поглядела,
К Сабиру молча подошла,
Слегка замялась, покраснела
И речь, волнуясь, повела:

XV

„Сабир! Пришла я за участием...
Ты был далеко и не знал,
Что между девушкой и счастьем
Ты для себя неожиданно встал.
Услышь, Сабир: твои родные
С приемной матерью моей,
Обряды чтя свои седые,
От нас таясь, уж много дней,
Готовились к большому тою.
Обычай старый сохранив,

Хотели нас женить с тобою,
Заочно нас соединив.
А я Амана полюбила,
Аману клятву я дала,
Мне душу эта весть разбила
И сердце кровью облила.
Я чуть дышу от оскорблений,
Я умираю от обид!
О, сколько горя и мучений,
И бранных слов — припомнить стыд! —
Я вынесла. И вот сегодня
Пришла к тебе. Прости меня!
Ты видишь: я тебе не ровня,
К Аману отпусти меня.

XVI

Джигиты по весне выводят
На скачки кованных коней,
И девушки смотреть выходят,
Кто скачет по степи быстрее.
И вслед тебе глядят, конечно,
Твоей красавицы глаза,
И ты поймешь, как безутешна
Любви соленая слеза.
Аман судьбою мне сосватан,
Я с ним от горя далека...
Будь для меня ты старшим братом,
Прости меня, Сабир-ока!"

XVII

Сабир безмерно удивился.
Переставая понимать,
Тревожным взглядом устремился
На девушку. Потом на мать
Взглянул внимательно и строго.
Потом внезапно побледнел
И, в гневе помолчав немного,
Родным приблизиться велел.
И радостно Зейнаб смотрела,
Как, жгучей горечью объят,
Самоуверенно и смело
Пришел на помощь старший брат.

XVIII

„Послушайте меня, родные,
Я книг не мало прочитал,
Страну объездил, но доньше
Подобной свадьбы не видал...
Довольно чувствами чужими,
Чужим достоинством играть
И человеческое имя
На черном рынке покупать.
Мы стали гордыми. И к быту
Былому в клетку не пойдём.
Пред нами все пути открыты,
Мы друга по сердцу найдем.

XIX

И у меня, сейчас незримый
За тенью рощь, за тьмой полей,
Есть тоже свой цветок любимый,
Есть тоже милый соловей.
Пусть рук чужих прикосновенье
Не осквернит ее любви.
О, девушка, твое волненье
Могло б кипеть в ее крови...
Пусть стану я последний нищий,
Когда их слушать захочу,
Когда, исполнив их обычай,
Обычай сердца растопчу!
Иди спокойно, дорогая,
Иди, красавица, домой.
Пусть, жизнь твою оберегая,
Доволен будет милый твой."

XX

Зейнаб, как утро, засветилась,
Как роза, сразу расцвела,
Сабиру низко поклонилась,
И радостно домой пошла.
Как в детстве, взапуски бежали
Они домой с Хури вдвоем.
И все Аману рассказали,
И счастьем был наполнен дом.

XXI

И вот пошла по переулкам,
Роняя на ходу слова
По всем кишлячным закоулкам,
О происшествии молва.
Скрипели каждые ворота,
Стучали двери и дувал
С полудня до ночной дремоты
Об этом вести повторял.

XXII

Все говорили непрестанно,
Расходуя весь пыл и жар,
О радостной судьбе Амана,
Об огорчении Анар
И о Сабира благородстве.
И было без конца речей
О чистом сердце и геройстве
Зейнаб застенчивой моей,
О будущей нежданной свадьбе,
Кто будет там и как одет...
И в каждой маленькой усадьбе
Подолгу не тушили свет.

XXIII

С утра большой колхозный двор
Был полон гомоном и криком.
На конях, статных на подбор,

На арбах праздничных со скрипом
И просто на своих двоих —
На праздник поспешали гости.
Немало стариков седых
Шло, опираясь на трости.
Слегка привстав на стременах,
Им путь джигиты уступали
И на горячих скакунах
По шумной улице скакали.
А девушки глядели с арб,
Как птицы из листвы боярки.
Они везли на той Зейнаб
Свои гостинцы и подарки.
Потоком лился разговор,
Остроты, смех, обрывки песен...
И стал большой колхозный двор
В то утро необычно тесен.

XXIV

Украшен красными коврами
И золотыми сюзанае,
Колхозный клуб играл цветами,
Как луг тюльпанов по весне.
А на коврах, на поле белых,
Еще немытых скатертей,
Лежали горы фруктов спелых,
Подносы с грудями сластей.
Здесь виноград, чуть золотистый,
Исеиня-черный, наливной,

Румянец персиков пушистый
И яблочек глянец молодой.
Гранат пунцовые фиалы,
Фисташки, горки миндаля...
И разноцветные пиалы
Стоят, боками шевеля.
...Облокотившись на подушки,
На одеялах, по краям,
Уселись гости. Песни, шутки
Взлетали вверх то тут, то там
И славя свадьбу, в небеса
Неслись девичьи голоса:

„Разожжем костер мы в Андижане,
В дальнем Оше будет виден дым.

Ой, яр-яр!...

Мы наполним белые пиалы
Нашим чаем черно-золотым,

Ой, яр-яр!“

А джигиты на другом краю
Пели песню старую свою:

„Нам знаком тот берег Зеравшана—
Мы наездники родных степей.

От тяжелой золоченой сбруи
Стерлась шерсть на крупах у коней.

Ой, яр-яр!

Раньше я стрелой одной ресницы

Это красавиц сразу убивал,
А сейчас от твоего прищуря
Зоробьем убитым я упал.
Ой, яр-яр!"

Так перекликались голоса,
И летели песни в небеса...

XXV

Все горячей джигиты пели,
венел сааз, звучал дутар,
друг двери тихо заскрипели
И в комнату вошла Анар,
как будто вся окоченела,
как будто падал снег с ресниц.
Мать Сабира к ней подсела.
они, как пара серых птиц,
углу сидели, ели мало,
в центре, как звезда светла,
веселая Хури блистала,
на хозяйкою была.

XXVI

о вот на блюдах задымился
засыпчатый, янтарный плов,
жгучий искрящийся налился
вином испытанных сортов.
Лазаны утопали в масле,

ГПБ уз.

Шашлык поджаристый хрустел,
Лепешки пряностями пахли,
Ширмай рассыпчатый белел.
А после множество подносов
Сладчайшей дыни принесли,
И нежные, и словно в росах,
В тарелки ломтики легли.
Флоды большого изобилья,
Флоды колхозного труда,
Как на параде, важно плыли,
Не иссякая никогда.

XXVII

Потом, под мерные удары
Большого бубна, в тишине,
Поплыли медленные пары
По ало-бархатной волне.
Легчайшим облаком скользила,
Летала Халима-Ханум,
Руками в воздухе парила,
Порхала Назира-Ханум.
И быстрым птицам подражая
Движеньем рук и головы,
Как пери сказочного рая,
Как розы посреди листвы,
Плясали пятеро красавиц,
Пять звезд, пять полуночных лун
Узбекский несравненный танец,

Традиционный гуль-уюн¹.

...И, как во сне, сидели рядом,
Смущенной всех и всех светлей,—
Зейнаб счастливая с Аманом,
Аман с невестою своей.

XXVIII

Была веселой свадьба эта,
Колхоз устроил знатный той.
И возле самого рассвета
Счастливых повели домой.
Их провожали дружбой пылкой,
Радушной дружбой без конца.
Была приветливой улыбкой
Улыбка каждого лица.
На весь кишлак звенел дутар
И пели девушки: яр-яр.

„Ой, на том ли берегу припрятан
Золотой закрытый сундучок.
Перед ним на кустике зеленом—
Молодой хлопчатника цветок!
Чтоб поднять тот сундучок тяжелый,
Нужно руки сильные. Яр-яр!
Чтоб добиться счастья с любимым,
Нужно сердце сильное.— Яр-яр!
Ой, яр-яр!“

---

¹ Гуль-уюн — танец цветов.

И ветви лунных тополей
Склонялись пред Зейнаб моей.

...И вот веселыми гостями
Вошли два друга в новый дом,
И сад шумел вокруг листьями,
Передрассветным цветником.
Темнела ночь. Река шумела.
И чистым золотом горя,
Над сонною землей взлетела
Нежданно-алая заря.
И над бурливым Зеравшаном,
Над светлой родиной своей,
Над всем большим Узбекистаном
Пел песню утра соловей.

